

Айзек Алиев

ПОСЛЕДНЯЯ ИЛЛЮЗИЯ

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДРАМА

18+

БЕСТСЕЛЛЕР

Айзек Алиев

Последняя иллюзия

«Издательство «Союз писателей»

2018

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Алиев А.

Последняя иллюзия / А. Алиев — «Издательство «Союз писателей», 2018

ISBN 978-5-00073-825-2

Мир катится в пропасть. Катастрофа не за горами. Но представители власти слишком сильно желают быть у руля любой ценой, фанатики стремятся покорить планету, а простым смертным некогда остановиться и задуматься над тем, что происходит. Да и что они могут изменить, если и сами, вольно или невольно, сознательно или неосознанно, все равно выбирают ту или иную сторону в вечном противостоянии, заставляющем людей убивать друг друга? Автор пытается заставить своего читателя думать, выбирая только те темы, которые способны выдернуть обывателя из зоны комфорта и научить принимать самостоятельные решения, основанные не на стереотипах, сплетнях, чужом мнении или общепринятой позиции, а исключительно полагаясь на вечные законы морали, чести, совести, целесообразности. В книге речь идет о молодом человеке, выросшем в Америке и решившем навестить свою историческую родину — Азербайджан. Узнав, что все друзья его детства, некогда оставшиеся дома, погибли в разных войнах, он испытывает сильнейший шок. Он начинает много думать и анализировать ситуацию в мире, впадает в уныние и видит необычные сны. Ему являются пророки, которые подсказывают выход из ситуации и предлагают путь к спасению человечества. Следует заставить людей понять, что Бог един, прекратить войны и остановить апокалипсис. Выполнение своей миссии он начинает с Карабаха. Остается выяснить, возможен ли успех в столь щекотливом деле? Но главный вопрос — что если все это лишь сон, пробуждение от которого будет ужасным?

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-00073-825-2

© Алиев А., 2018

© «Издательство «Союз
писателей», 2018

Содержание

Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	34
Глава 6	37
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Айзек Алиев
Последняя иллюзия
Психологическая драма

© Алиев А., текст, 2018

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2018

*В начале было Слово,
И Слово было у БОГА,
И Слово было БОГ...*

Пролог

Завершалось второе тысячелетие. Большинство людей владело чувство взволнованности и ожидания чего-то нового. Смена тысячелетий – всё-таки нешуточное событие, даже для отъявленных атеистов. Накануне миллениума одни боялись техногенных катастроф, другие природных катаклизмов, третьи жаждали какого-то чуда, пусть даже в виде конца света. Однако всех этих людей объединяло ощущение собственной избранности, осознание того, что именно им суждено открыть страничку третьего тысячелетия от Рождества Христова.

Глава 1

22 сентября 1999 года в Нью-Йорке стояла прекрасная летняя погода. В первый день осени¹ было довольно тепло. Все были одеты в шорты и майки.

Вот уже несколько лет подряд осенняя погода сохранялась в этом городе почти до середины января. Сезоны как бы сместились во времени. Запоздавшая зима приходила ближе к февралю, и холодный воздух не отступал почти до апреля. Снег падал и лежал всего несколько дней, но это непременно парализовало работу целого мегаполиса. Новостные программы захлёбывались паникой, которая тут же передавалась горожанам. Закрывались школы, транспорт работал с перебоями, вполсилы. Огромные снегоуборочные машины интенсивно расчищали улицы, но, как ни странно, получался прямо противоположный эффект: грязь лишь размазывалась по асфальту и распространялась по всем окрестностям. В надежде на заработок всюду сновали молодые ребята с лопатами и помогали владельцам автомобилей откапывать их транспортные средства из-под двухдневных сугробов.

Этот хаос длился не более трёх дней, а потом из-за туч выглядывало солнышко, и улицы очищались естественным образом. В этот миг людям казалось, что трёх кошмарных дней словно и не бывало.

Серебристый «бентли» летел на большой скорости по автостраде Белт-Паркуэй в направлении главного аэропорта страны – JFK, как его называют американцы в честь одного из самых любимых своих президентов – Джона Фицджеральда Кеннеди.

Хайвей лентой вился вдоль береговой линии огромного залива, ограничивая с юго-востока колоссальный массив Нью-Йорк Сити, который многие жители Земли по праву считают столицей мира. Город узким коридором вытянулся вдоль устья реки Гудзон, переходившего в естественно защищённую гавань, образованную широким руслом и множеством островов, крупнейшими из которых являются Манхэттен, Статен-Айленд и Лонг-Айленд. По обе стороны скоростной дороги тянулись зелёные полосы густо посаженного искусственного леса.

Величественно рассекая воздух, роскошный автомобиль оставлял позади себя как бы пристыженные и уступающие ему дорогу машины попроще. За рулём сидел молодой человек с мягкими, вьющимися светло-каштановыми волосами. Высокий лоб его, впалые щёки, удлинённый, чуть с горбинкой нос и тонкие губы придавали лицу благородный вид. Он вполне мог сойти за самого Иисуса Христа, если к портрету добавились бы усы, борода и длинные волосы. Конечно, такая внешность была нетипичной для человека еврейского происхождения. Хотя то же самое можно сказать и о Сыне Божии.

Иосиф (так звали мужчину) явно нервничал и время от времени поглядывал на часы, встроенные в панель красного дерева. Для большей убедительности он постоянно сверял их показания со своими «Ролекс» на левой руке, циферблат которых был усыпан мелкими бриллиантами, ослепительно сверкающими в солнечных лучах. И там, и здесь отображалось одинаковое время – пятнадцать часов двадцать восемь минут. До окончания регистрации оставалось тридцать две минуты, и молодой человек сильнее надавил на акселератор.

Иосиф любил свой «Ролекс». Это был подарок фирмы на его тридцатилетие. В тот день он стал самым молодым топ-менеджером компании, в которой начал работать сразу после окончания бизнес-школы при Колумбийском университете. За довольно короткое время он сделал головокружительную карьеру. Сын эмигрантов, приехавший в Америку в возрасте четырнадцати лет, Иосиф вошёл в число элитных управленцев Соединённых Штатов. И это действительно впечатляло.

¹ День осеннего равноденствия, считается астрономической границей лета и осени.

Наконец впереди показался знак, информирующий, что до аэропорта осталось всего несколько миль. Вдали можно было различить, как с небольшим интервалом приземляются и взлетают огромные лайнеры. Иосиф выдохнул с облегчением.

Раздался телефонный звонок. Чуть сбавив скорость, мужчина нажал на кнопку приёма вызова.

- Да, мама, я слушаю.
- Сыночек, Иосиф, ну что, ты успеваешь?... А то я волнуюсь!
- Не волнуйся, мамочка, я стараюсь. Позвоню тебе позже.
- Ну будь здоров, милый.

В свои тридцать три Иосиф всё ещё был холост. Родители расстраивались, ведь в нормальной еврейской семье дети должны были жениться или выходить замуж вовремя, то есть в возрасте двадцати двух или двадцати трёх лет. У Иосифа была девушка – гёрлфренд, как здесь принято говорить, но без намёка на серьёзные отношения.

До конца регистрации оставалось пятнадцать минут, необходимо было успеть припарковать машину.

Через десять минут Иосиф со спортивной сумкой наперевес быстро шёл по регистрационному залу, а за ним, еле поспевая, толкал коляску с большим чемоданом носильщик. Перед стойкой было пусто, и работники устало посматривали на часы, чтобы закрыть регистрацию и уйти. Буквально подбежав к ним, носильщик сбросил чемодан на весы, а Иосиф положил перед зевающим от скуки администратором паспорт и билет.

- Опаздываете, мистер, – любезно улыбнувшись, проговорил тот.
- О, извините, такой ужасный трафик, – извиняющимся тоном ответил Иосиф.
- Хорошего вам полёта!
- Большое спасибо. И хорошего вам дня! – мужчина едва переводил дух после бешеной гонки. Вечно занятый, он не рассчитал время и выехал из дома слишком поздно.

Тут Иосиф вспомнил о родителях и перезвонил им. Они были уже предпенсионного возраста, и он купил для них небольшой домик во Флориде, где они проводили почти три сезона, летом переезжая в свою нью-йоркскую кооперативную квартиру. Несмотря на катастрофическую занятость, Иосиф старался всегда держать родителей в орбите своего внимания.

Через сорок минут он поднялся на борт «Боинга», где его поприветствовала миловидная стюардесса. Пройдя в салон первого класса, мужчина уселся в удобное кресло и вытянул ноги.

Не успел самолёт взлететь, как стюардессы засуетились вокруг пассажиров, предлагая им прохладительные и крепкие напитки. Иосиф попросил виски, желая снять с себя напряжение дня. Глотнув охлаждённой влаги, он почувствовал приятный прилив тепла в груди и наконец расслабился. Веки отяжелели и закрылись сами собой. Он уснул.

Иосиф летел в Россию (так в Америке до сих пор называли бывший Советский Союз) впервые с тех пор, как его семья почти двадцать лет назад эмигрировала из Баку в Соединённые Штаты. За последние пятнадцать лет в той части света, куда самолёт нёс Иосифа, произошли немыслимые перемены, а именно: развал страны, разруха, войны, экономический коллапс и голод. Казалось, народы бывшего Советского Союза, зажатые в тиски чудовищных обстоятельств и получившие не ими заслуженную «свободу», восприняли её как вседозволенность и обратили взоры друг на друга. Сосед на соседа. В одночасье бывшие товарищи стали врагами, припомнив друг другу старые счёты. Иосиф наблюдал за этим сумасшествием из другой части света и не верил собственным глазам и ушам.

В начале девяностых годов в Америку начали эмигрировать армянские беженцы из Баку. Иосиф встречался с некоторыми семьями, и они рассказывали ему ужасающие истории из своей жизни. Проживший до четырнадцати лет в этом городе Иосиф отказывался верить им: слишком сложно ему было представить, что азербайджанцы способны на такую нечеловеческую жестокость. Ему рассказывали, как озверевшая толпа врывается в квартиры и убивала,

выбрасывала живых людей с балконов, отрезала головы и насиловала женщин. «Ну как это может быть?... – повторял про себя Иосиф. – Нет, это просто невероятно!»

Всю историю о конфликте вокруг Нагорного Карабаха и о событиях, произошедших в Сумгаите и Баку, он знал только понаслышке – от армян и из русскоязычных газет, издающихся в Нью-Йорке. С азербайджанцами встретиться и поговорить не удавалось: слишком мало их было в этом городе.

Ещё в 1987 году Иосиф в первый раз попробовал созвониться со старыми друзьями из СССР, но ни один номер не отвечал или был отключён.

Где сейчас Армен? Говорили, из Азербайджана сбежали даже русские. Где Володя?...

Глава 2

Иосиф родился в древнем городе Баку, расположенном на берегу Каспийского моря, который до наших дней сохранил исторические постройки времён своего становления.

Ичери-шэхэр («внутренний город») по праву называют бакинским Акрополем, который погружает посетителей в глубокую старину. Эта живая легенда, предмет национальной гордости, является сердцем Баку. Древние крепостные стены были заложены ещё во втором столетии от Рождества Христова и врезались тогда далеко в море, а волны седого Каспия разбивались об их неприступную каменную твердь. С двадцати двух гектаров, окружённых крепостными постройками, и брала своё начало будущая столица Азербайджана.

Древняя крепость Баку

Со временем вода отступила назад, и на месте осушённой территории раскинулся огромный, на расстояние почти пяти километров, знаменитый и прекрасный Приморский бульвар, один из самых крупных бульваров Европы.

Приморский бульвар

Крепостные стены, башни с бойницами, Девичья башня и сохранившиеся части дворцов – все эти следы славного прошлого дожили до наших дней. Почти все узкие и кривые улочки Ичери-шэхэр, на которых не разминутся два человека, покрывает брусчатка; старые двух- и трёхэтажные дома двухсотлетней давности практически соприкасаются балконами, и с одного дома легко можно перейти на другой. Именно такой пейзаж характерен для так называемой Крепости, как русскоязычные бакинцы называют историческую часть города. Подобно драгоценной жемчужине прячется она в чреве огромной раковины современного мегаполиса, расположившегося у морской кромки. Здесь царят тишина и покой, городскому транспорту нет сюда въезда. Жизнь замедляет свой бег, попадая словно в параллельное измерение, а высокие молчаливые стены с пустыми глазницами оберегают это место от нашествия цивилизации.

Другая бакинская достопримечательность – так называемая европейская часть города – была отстроена благодаря нефтяному буму конца XIX – начала XX века. Её возводили итальянские и русские архитекторы на деньги местных и западных магнатов. Резкий архитектурный контраст между восточной стариной Крепости и европейским стилем нового квартала придал Баку неповторимую самобытность и всегда поражал воображение туристов. Европейская часть постепенно словно окружила с трёх сторон внутренний старый крепостной массив.

Европейская часть города

Последующее градостроительство было связано с возведением зданий советской эпохи, декларирующих монументализм и уродующих архитектурную гармонию Баку.

«Хрущёвки»

Самыми последними возводились здания постсоветской постройки, представляющие собой однотипные высотки, бессистемно натканные по городскому полотну и усиливающие эффект архитектурного хаоса.

Современные постройки

В одном из домов, расположенных в европейской части города, родился Иосиф. Здание строилось в девяностые годы XIX века. В оригинале дом был трёхэтажным, но после Второй мировой войны, в 1947 году, сверху пристроили ещё и четвёртый этаж. До революции дом принадлежал одному из нефтяных магнатов. Поговаривали, что им был сам Нобель. Позже строение экспроприировали и отдали в пользование народу.

Высота потолков на первом и втором этажах составляла пять метров и уменьшалась до четырёх на третьем этаже. Толщина стен на первом этаже равнялась полутора метрам и также постепенно утоньшалась по высоте. При строительстве дома, который был сооружён из крупного, хорошо окатанного речного галечника, использовался специальный раствор из сырого яичного белка, пива и песка. Такой необычный состав придавал ему особую прочность, благодаря чему здание отпраздновало своё столетие и не собиралось останавливаться на достигнутом. Уникальные материалы и детально продуманный план способствовали тому, что в квартирах зимой всегда было тепло, а летом прохладно. Жители до сегодняшних дней пользуются роскошными каминами, выложенными разноцветным кафелем, и имеют возможность любоваться оригинальной лепниной с ангелочками и розочками на стенах и потолках. Фасад дома также был искусно декорирован и производил сильное впечатление. Вход во внутренний двор соорудили в форме большой арки, в верх которой вмонтировали вензель – фирменный знак строения. Красивые железные ворота со сложным рисунком всегда запирались на ночь.

Однако вся эта помпезность быстро улетучивалась, едва вы попадали через в арку во двор. Здесь, прямо вдоль арочной стены, стояли большие уродливые чёрные ящики для мусора, в которых по ночам шуршали гниющей бумагой мерзкие грызуны. Тем, кто боялся крыс, приходилось буквально пробегать это место. Далее арка заканчивалась, и открывался большой двор.

Дворы такого типа почему-то называли «итальянскими». Поговаривали, что в Италии строили точно такие же, но в это с трудом верилось. Анфилады огромных залов были перекроены и разделены многочисленными коммунальными перегородками, в которых ютилось

безвестное количество народа. На всех этажах были устроены открытые балконы общего пользования, тянущиеся вкруговую. На перекинутых верёвках со второго по четвёртый этажи всегда висело сохнувшее бельё. Жители первого этажа, не имеющие балконов, вешали его прямо посреди внутренней территории, что мешало местной детворе свободно бегать и играть. Народу было много, все были бедны, но жили честно и весело. Отдельные неприятности случались разве что на бытовой почве – между соседями или пьяным мужем и неверной женой, что ни в коей мере не омрачало общей радужной атмосферы.

Местная детвора обожала носиться по двору, по всем балконам и даже по крыше. Сердитые тёти и дяди вечно ворчали вслед шумным и счастливым сорванцам.

Среди них были неразлучные друзья – Рафик, Армен, Володя и Иосиф. Все они родились здесь и начали дружить с тех пор, как научились ходить и говорить. Для Баку такие компании вообще были очень характерны – весь город слыл суперинтернациональным. Старое поколение советских людей наверняка помнит бытование такой странной нации, как «бакинцы», хотя в те времена никто не задумывался над понятиями «нация» и «национальность». Всё было общим, советским.

Во дворе четырёх друзей-малышей прозвали «мушкетёрами».

– Вон, мушкетёры идут! – кричали им вслед младшие ребята.

Друзья ходили в школу, расположенную поблизости от дома, и учились в одном классе. Как водится, здесь тоже были «элитные» группки из четырёх-пяти девчонок и мальчишек. Разумеется, «мушкетёры» тоже входили в одну из них и верховодили всем классом. Мальчишки ухаживали за девочками из «элиты», а все остальные, «простые» одноклассники плакали из-за мальчишечьих выходок. Обычно после выбора объекта травли начинались садистские сценки с присущей детям неосознанной жестокостью.

Одной из таких жертв «мушкетёров» стала девочка по имени Надя. Ребята звали её Надюшей-Свинюшей, потому что в свои двенадцать лет это была довольно крупная и толстая девочка, в сравнении с которой друзья казались птенчиками. Она была на голову выше их и в два раза шире. Просто гора белого мяса. Лицо её напоминало откормленное рыльце молоденького поросёнка. Поразительное сходство с этим животным усиливали форма носа, сильно приплюснутого и вздёрнутого кверху, налитые кровью маленькие пухлые губки; толстые, как будто всегда набитые снедью, щёчки, а также почти абсолютно круглой формы голова, которую венчали два красных бантика, напоминающие два торчащих уха. Улыбка обнажала её крупные, белые, кривоватые зубки. Надя, видимо, страдала какой-то сексуальной патологией. Она, как наркоман, в свои юные годы нуждалась в прикосновениях мальчишечьих рук и не по-детски млела от их ласк. Обнаружив у Надюшки подобные наклонности, мальчишки буквально каждую перемену посвящали ей. Пять или шесть ребят, как разъярённые псы, накидывались на девочку, играющую роль раненого и затравленного зверька, и оттесняли её в дальний угол класса. Там они облепляли её со всех сторон. Всё это сопровождалось криками и воплями, Надя дико кусалась и сопротивлялась как могла. Если ей удавалось сбросить мальчишек с себя, как щенят, то начиналась бешеная травля. В итоге Надю зажимали за вешалкой у задней стены. Вешалка просто надрывалась под тяжестью верхней одежды учеников, а когда за неё втискивалось ещё человек шесть-семь, то она каждый раз дрожала, грозя рухнуть. Девочка забивалась в угол и, обессиленная, медленно сползала вниз, приседая на корточки и широко расставляя коленки. Голову она запрокидывала назад, глаза закатывала, успокаивалась, а на лице появлялась блаженная улыбочка. Ребячьи руки в нетерпении шарили у неё между ног, стараясь доставить ей и себе подлинное наслаждение.

Всё это длилось несколько минут. Затем звонок отрезвлял разошедшихся не на шутку дьяволят, и они по одному выскакивали из-за вешалки. Последней выходила Надюша, конечно, уже с другим выражением лица: довольная, важная, с красными, как у поспевшего помидора, щёчками. Наде было совершенно безразлично, кто налетал на неё, поэтому «мушкетёры» ино-

гда приглашали на охоту ребят из соседних классов. Чего только ни вытворяли они, до чего ни доходил их детский ум, каких только глупостей ни совершалось! Взрослым трудно понять всё это... Человеческая память коротка и зачастую стирает воспоминания о том, что происходило в детстве. Для детей же подобные забавы были в порядке вещей, чем-то само собой разумеющимся. И чем смелее получались ребячьи выходки, тем значительнее они казались сами себе.

Незаметно пролетело счастливое детство семидесятых годов. Реальная взрослая жизнь с её проблемами проходила мимо, ведь «мушкетёры» были всего лишь подростками. Лишь иногда они с недоумением заставляли сцену с ругающимися за стенкой родителями, которые спорили о деньгах и о том, что кто-то «может жить нормально», а кто-то «влачит лишь жалкое существование».

Семьи друзей имели разный уровень материального достатка, но это абсолютно не мешало их общению. Володя жил с матерью, а у остальных было по два родителя. Мальчик не очень хорошо учился, и учителя не рекомендовали ему переходить в девятый класс, считая, что он не сможет освоить программу. Да и сам Володя не хотел этого. Он планировал пойти в строительный техникум и через два года начать зарабатывать на жизнь. Материнской зарплаты едва хватало, чтобы свести концы с концами.

Остальные ребята учились хорошо и собирались продолжить учёбу в школе. Все четверо были расстроены предстоящими переменами, так как привыкли почти весь день проводить вместе. Но более серьёзные испытания ждали их впереди.

Известие об отъезде Иосифа и его семьи в Израиль грянуло как гром среди ясного неба. Оно было настолько неожиданным, что вначале друзья даже не придали ему значения. Они не понимали, при чём тут Израиль, что такое эмиграция, ведь шёл только 1981 год. В Баку эмиграционная волна, начавшаяся в Советском Союзе с 1977 года, была невысокой, практически единичной. Зелёный свет зажёгся после того, как Генеральный секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза Леонид Брежнев в Хельсинки подписал договор, разрешающий советским евреям выезжать в Израиль на постоянное место жительства. Советские дети об этом слухом не слыхивали, за исключением, разумеется, Иосифа, который дал слово родителям молчать до победного конца и не делиться даже с «мушкетёрами». Они напугали сына тем, что в противном случае их всех могут посадить в тюрьму. Будучи очень послушным мальчиком, Иосиф молчал.

Свою тайну он открыл друзьям буквально за десять дней до отъезда. Реакция была неоднозначной. Ребята принялись шутить: вот, мол, за границу едешь, принимай заказы... Но когда Иосиф пояснил, что, как и прочие евреи, он покидает СССР навсегда и обратной дороги нет, они были поражены. В Баку не было тех настроений, которые имели место в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске или даже Тбилиси. Диссидентствующая интеллигенция, общающаяся на кухнях, была столь малочисленной, что ни шла ни в какое сравнение со столицами других союзных республик.

Ошарашенные ребята никак не могли взять в толк, что происходит. Куда Иосиф едет? Зачем? Что он там вообще будет делать и как они будут жить без него, а он без них?...

В запасе оставалось чуть больше недели. Родители Иосифа опасались слухов и лишней шумихи, поэтому проводы устроили в самом узком кругу.

Когда «мушкетёры» появились на пороге квартиры Иосифа, родственники и друзья семьи уже собрались. Ребята попали в совершенно другой мир, где слышны были разговоры только о том, кто уже уехал из Союза, а кто только ещё собирается выехать. Все поздравляли новоявленных эмигрантов с большой удачей, считая, что им повезло с относительно быстрым получением разрешения на выезд.

У Володи от этих разговоров стало так тошно на душе, что он предложил Иосифу выйти прогуляться, тем более что стоял относительно тёплый и тихий апрельский вечер.

Оказавшись на улице, ребята пошли в сторону бульвара. На всех деревьях и кустах набухали почки, весенние запахи витали в воздухе.

– Не понимаю – почему, зачем?... Хоть убей меня! И куда?... В Израиль! Там жарко, одна пустыня, верблюды и колючки, – возмущался Володя.

Отягощённый виной и в какой-то степени ощущением предательства, Иосиф старался не спорить, ничего не доказывать и лишь успокаивал друга, пытаясь уменьшить боль от предстоящей разлуки.

– Да, ты прав... Но родственники отца, проживающие там, написали ему, что всё не так уж и плохо...

– «Не так уж и плохо»? Что ж, раз так, надо ехать?... Оставить дом, город, в котором ты родился, друзей, с которыми делил хлеб и соль, радость и горе?! – чуть не в крик огрызнулся Вова.

И вдруг, не выдержав, Иосиф расплакался. Зажав лицо ладонями, он рыдал в голос. А Володя, округлив глаза, уставился на него с растерянным видом. Обняв друга, Рафик резко бросил Владимиру:

– Ты что, не видишь, он сам не свой? Совсем не замечаешь, в каком друг состоянии? Зачем на него давишь? – Тут он повернулся к Иосифу. – Ну хорошо, Йося, успокойся, ты же знаешь Вову.

Всё ещё всхлипывая, юноша вытер слёзы рукой и тоже обнял Рафика.

– Ну что ты, я же ни на кого не обижаюсь! Просто всё так навалилось... Вот я и не выдержал.

После минутного молчания он продолжил:

– Честное слово, я тоже не ожидал, что всё так скоро и круто повернётся. Мне тоже обидно, что я здесь всё теряю, еду в неизвестность, а она всегда страшна.

– Что вы, в самом деле, на похоронах, что ли?! Совсем раскисли, – весело произнёс Армен, стараясь ободрить друзей.

– А это хуже похорон, – настаивал Вова. – На похоронах мёртвого хоронят, а здесь мы с живым прощаемся.

– Замолчишь ты, в конце концов, или нет?... – резко прервал Вову Армен.

– Да что вы, ребята, первый день друг друга знаете? Слава богу, четырнадцать лет уже! Всё, что ни делается, к лучшему. Иосиф уезжает, у него начнётся новая жизнь. Это интересно! Единственное, о чём жалею, что мы не сможем общаться из-за «железного занавеса», – философски подытожил Армен.

– Какого занавеса? – переспросил Вова.

– Железного! «Голос Америки» и «Би-Би-Си» надо слушать! – гордо повернул друг.

– Да ну их! Придумывают там всякую ерунду, – недоверчиво произнёс Володя.

– Он у нас идейный, не слушает вражеские голоса, – с усмешкой отметил Рафик.

– Да ладно вам, чего не хватает? Всё туда, за границу смотрите. С жиру беситесь! – буркнул Вова.

– Ну да, сколько волка ни корми, он всё в лес смотрит, – ухмыльнулся Армен и моргнул Рафику.

– Да ну вас! – в сердцах воскликнул друг и обиженно отвернулся.

– Ребята, давайте успокоимся! Осталось всего несколько дней. И надо их провести так, чтобы они надолго запомнились. Кто знает, когда ещё встретимся... – проговорил Армен.

Родителям Иосифа, Марику и Миле, предстояло уладить массу организационных дел: достать разные справки, оформить аренду квартиры и внести деньги за её будущий ремонт, получить визы, заказать билеты, что-то продать... И паковаться, паковаться, паковаться... Они уезжали, оставляя здесь своё прошлое, страну, которую считали родной, профессиональную

жизнь, в которой было много счастливых дней. Они покидали родных, друзей, которых приобрели за годы учёбы и работы, бросали могилы родителей. Они оставляли любимые вещи и книги. Уезжали, не зная, что их ждёт впереди. В неизвестность.

Последняя неделя пролетела как один миг, и вскоре семья Иосифа уехала.

А потом были Вена, Рим и Нью-Йорк. Они попали в другую реальность. С тех самых пор Иосиф никогда не слышал о своих друзьях.

Глава 3

Как и все советские евреи, эмигрировавшие в Израиль в те времена, Иосиф и его родители первым делом прибыли в столицу Австрии. В аэропорту их встретил представитель Израиля, объяснивший, что они смогут вылететь в их страну хоть на следующий день. Тогда Марик открыл посланнику подлинный замысел своей семьи: они будут ждать разрешения на въезд от родственников из Соединённых Штатов.

Прибывших посадили в микроавтобус, который, миновав территорию аэропорта, въехал в большой парк. По аллеям с двух сторон проезжей части трусцой бежали люди, кто-то ехал на велосипеде, некоторые катались верхом на лошадях в костюмах старинного покроя. Рядом с машиной процокала копытами кобыла, запряжённая в коляску, где, обнявшись, сидела влюблённая парочка. По полянам и газонам бегали дети, на вычурных скамейках сидели их мамы или няни с гувернантками.

Вена, парк дворца Бельведер

Парк закончился, и микроавтобус продолжил путь по красивым и чистым улицам, где неспешно, без суеты шла нарядно одетая и оживлённая публика. Мила и Марик, никогда не бывавшие за границей, сидели как зачарованные и не отрываясь смотрели в окно.

Ехали довольно долго. Наконец прибыли в пансионат «Коркиус» на улице Хаакен-гассе.

Комната располагалась на втором этаже. Она была большая, с тремя кроватями, ванной, холодильником, газовой плитой, кастрюлями, сковородками, скатертями, посудой и столовыми приборами. Оглядевшись, Мила невольно воскликнула:

– Спасибо Господу Богу, что он разрешил нам уехать! Спасибо Леониду Ильичу, что он не воспротивился отпустить советских евреев!

Здесь им предстояло пробыть несколько дней.

Следующим вечером семья Иосифа решила прогуляться по городу. Многие магазины были уже закрыты, но даже созерцание витрин вогнало Марика и Милу в полушоковое состояние.

Возвратились они в пансионат за полночь. Наутро встали рано, оделись легко – по погоде, и поехали на рынок.

Площадь перед входом была сплошь заставлена цветами. Войдя в крытое сооружение, Марик и Мила застыли в изумлении. Казалось бы, их, привыкших к щедрой роскоши азербайджанских базаров, трудно было чем-то удивить. Однако того, что открылось их взору, они прежде никогда не видели. Пренебрегая временем года, на прилавках атели корзины с клубникой, малиной и вишней. Рядом свисали гроздья с затуманенными виноградинами, высились горы бананов, апельсинов, грейпфрутов. Горделиво выпустив кверху свои собранные в пучок твёрдые зелёные листья, как напоказ стояли оранжево-жёлтые спелые ананасы. Овощные ряды ломились под грудой зелени. Создавая причудливые композиции, на прилавках соседствовали помидоры, огурцы, баклажаны, листья салатов и свежие грибы.

Некоторое время семейная пара не могла прийти в себя, наблюдая это круглогодичное изобилие. Однако самое большое потрясение ждало их в мясном ряду. Марик увидел лежащее и висящее всех сортов мясо, с костями и без, вычищенное и выскобленное, ошипанных и выпотрошенных кур, уток, гусей. Мужчина несколько минут не мог произнести ни звука и всё смотрел на этот красно-розовый натюрморт, казавшийся нереальным, словно перекочевавшим с полотен фламандских живописцев.

Покинув рынок, они поспешили обратно, так как приближалось их время посетить ХИАС – благотворительную еврейскую организацию, помогающую эмигрировать советским евреям. Их встретили приветливо, будто давно ждали. После беседы помогли заполнить документы и сказали, что через день они должны выехать в Рим. Получив конверты с деньгами, семья отправилась в пансионат.

Следующий день был их последним днём в Вене, и они решили осмотреть Собор Святого Стефана – покровителя столицы, находящийся в старой части города. Перед ними предстала сияющая золотистыми красками церковь, башни которой тянулись к небу, а покатая крыша была выложена золотой черепицей. Стиль барокко соседствовал в архитектурном решении со стрелообразной готикой, и эта эклектика придавала собору жизнерадостность и воздушную лёгкость.

Внутреннее убранство поразило своей роскошью – не кричащей, а благородной, сохраняющей достоинство. Из-за недостатка времени они не могли долго любоваться каждой картиной, скульптурой, убранством нефов и алтарём, но всё же поднялись наверх по лестнице южной башни, преодолев триста сорок три ступени. Отсюда открывался незабываемый вид на вечерний город, сверкающий огнями всех мыслимых и немыслимых цветов, будто в честь их прибытия включили праздничную иллюминацию. Такой и запомнилась им эта столица-красавица.

Утром они собрали вещи, погрузились в микроавтобус и поехали на вокзал.

Представитель ХИАСа встретил отъезжающих на перроне и вручил им билеты. Все расселись по своим вагонам. Поезд двинулся по железной дороге, проложенной в Альпах. Находившиеся в соседних купе эмигранты толпились в коридоре у окон и, опустив рамы, безотрывно разглядывали раскинувшиеся внизу альпийские деревеньки и изумительные горные пейзажи. Воздух был упоительный – свежий, но не холодный.

Проехав с севера на юг пол-Италии, группа прибыла в Рим, где их снова встретили сотрудники ХИАСа. На специальных автобусах гостей развезли в подготовленные квартиры.

На следующий день семья Марика направилась в офис благотворительной организации, где им оформили документы для получения визы на въезд в США и объяснили, как можно будет обналичить деньги по выданному чеку.

Теперь перед ними был Рим – вечный город. Марик застыл перед Колизеем – самым большим из древнеримских амфитеатров, который был воздвигнут в ложбине между Эсквилинским, Палатинским и Целиевским холмами, на том самом месте, где некогда находился пруд, принадлежавший Золотому дому Нерона. Из всех подобных сооружений того времени Колизей выделялся колоссальностью своих размеров: длина его наружного эллипса равнялась 524 метрам; большой оси – 188 метрам, малой оси – 156 метрам; арены – 86 метрам в длину и 54 метрам в ширину; высота стен варьировалась от 48 до 50 метров. При таких параметрах Колизей мог вмещать в себя до 87 000 зрителей! Даже в мечтах Марик не мог вообразить, что наступит день, когда он сможет собственными руками прикоснуться к этим древним камням.

Рим, Колизей

– Мила, ты когда-нибудь представляла себе, что побываешь в Риме? – взволнованно спросил он супругу.

– Видишь, даже самые смелые мечты сбываются, – ответила улыбающаяся жена.

Их было три семьи, всего одиннадцать человек, ожидающих своей участи. Каждая из них получила по комнате. Кухней, двумя ванными и балконом они пользовались сообща. По вечерам вся компания сидела на балконе и разговаривала. Это место прозвали «пяточком». Новости сюда поступали раньше, чем в Белый дом, Кремль или Кнессет.

– Ехать надо в Детройт, – с апломбом заявлял Мотя из Минска. – Заводы Форда нужны в нашей рабочей силе!

– А я буду ждать Канаду, – твёрдо парировал тренер по боксу из Киева.

– Мне советуют ехать в Австралию, – вступал в разговор мясник из Бердичева.

– Кто советует? – спрашивал Яша, шутник из Витебска.

– Жена, – смущённо улыбался тот.

– Я не женат, – отвечал Яша, – но по опыту друзей знаю, что жену надо слушать. Говорят, в Австралии каждой вновь прибывшей семье сразу же дарят по два кенгуру!

Но мясник был лишён чувства юмора.

– Яшенька, – интересовался он, – а у кенгуру мясо вкусное?

Тот не успел ответить, потому что на пороге появился Лазарь, и взоры всех собравшихся обратились в его сторону. Этот человек имел преимущество перед остальными эмигрантами: его брала к себе троюродная сестра из Чикаго. Лазарь никогда не видел её, но был полон родственных чувств и называл её не иначе как «моя дорогая сестричка Розочка».

– Лазарь, что пишут из Чикаго? – окликнул его Яша.

– Моя дорогая сестричка очень занята: семья, бизнес.

– А какой у них бизнес?

– Яшенька, не у них, а у неё! Это большой завод. Называется «ЛОНДРОМАТ».

– А что это такое? – любопытствовал мясник.

– По всей видимости, Лазарю Очень Нужны Деньги. Розочка, Откликнись! – сдохмил Яша. – А потом три последние буквы.

– Не так пишется, – возразила Лара, бухгалтер из Москвы.

– Зато так слышится! – настоял остряк.

Все засмеялись, но Лазарь пропустил шутку мимо ушей:

– Яшенька, женщина во главе бизнеса – это сами понимаете что... Но как только я приеду, то поставлю всё на нужные рельсы.

– Вы хороший брат, Лазарь, – с улыбкой заметил Яша.

К разговору подключился кандидат наук из Риги:

– Как думаете, трудно будет найти работу по специальности? Я генетик.

– Если очень захотите, найдёте, – уверенно заметил Яша.

– А я хочу попасть в штат Джорджия, – подал реплику Гиви из Тбилиси. – Пойду работать в ресторан – хоть посуду мыть, даже пол вытирать. Неважно. Потом познакомлю их с нашей грузинской кухней – они пальчики оближут! Дадут мне должность шеф-повара. А потом я открою свой ресторан.

– Молодец, Гиви! – похлопал его по плечу Яша. – Я уже готов заказать у тебя столик!

– Раз разводят кенгуру, значит, мясо у них всё-таки вкусное, – не унимался бердичевский мясник. – Надо было сразу в Австралию ехать. Был бы уже богат.

Так, незаметно, со смешанными чувствами, пролетел почти месяц. С одной стороны, эти люди пребывали в эйфории в связи с нахождением в прекрасном городе Риме, а с другой – испытывали унижительное чувство полной неуверенности в завтрашнем дне. Такое чувство было знакомо сотням эмигрантов, пребывающим в столице Италии. Некоторые не выдерживали и уезжали в Канаду или Австралию. Но всё-таки настал тот день, когда Марик, Мила и Иосиф поехали в американское консульство для интервью.

В специальном кабинете, куда их пригласили пройти, гостей встретил хорошо говоривший по-русски чиновник. Он был очень доброжелателен, задавал разные вопросы, связанные с профессиональной деятельностью и американскими родственниками Марика, и в конце беседы объявил о положительном решении. Чувство радости наполнило истомившиеся волнениями души, а Мила даже расплакалась от счастья.

Вскоре наступил их последний день в Риме. На следующее утро они вылетели из международного аэропорта имени Леонардо да Винчи в Нью-Йорк.

Глава 4

В Нью-Йорке их встретил троюродный брат Марика, Леонид, проживающий с женой и дочерью на знаменитой улице Брайтон-Бич, считающейся центром русскоязычной эмиграции Америки. В своё время по советскому телевидению её показывал профессор Зорин, популярный в то время политический обозреватель. Ошарашенным советским телезрителям демонстрировались ломящиеся от продуктов прилавки и толстые продавщицы, важно позирующие перед камерами. Самое неизгладимое впечатление на избалованных граждан производило огромное разнообразие колбасных изделий. Конечно, Зорин показывал и мирно развалившегося на земле бездомного, и разбитое стекло в окне какого-то заброшенного здания, но на этом никто не акцентировал пристального внимания.

Для прибывших родственников Леонид заранее снял двухкомнатную квартиру по соседству и даже обставил её кое-какой мебелью. Не дав утомлённым переселенцам опомниться, он потащил их на прогулку по Брайтон-Бич авеню. На ходу брат Марика так энергично размахивал руками и крутил головой, что-то объясняя и показывая, будто хотел в первый же день выплеснуть на головы бедных гостей всю известную ему информацию.

Пятиэтажный дом, где поселились Иосиф и его родители, был довоенной постройки. Просторный холл, выложенный красивой плиткой, зеркальные стены, большие напольные вазоны с искусственными цветами и мраморные полочки, где красовались горшки с живыми растениями, – всё блесло идеальной чистотой, на полу не видно было ни единой соринки.

В Нью-Йорке семья Иосифа попала под опеку известной американско-еврейской организации NYANA, где обучали английскому языку, знакомили с американскими законами и помогали адаптироваться в новом мире. Организация помогла семье с приобретением мебели и даже снабдила их на первых порах зимней верхней одеждой. Переселенцам оплачивали проезд в городском транспорте, завтрак и ланч на время обучения. Также муниципальная служба социального обеспечения выплачивала ежемесячное денежное пособие на еду, одежду и частично на оплату квартиры. Семья Марика имела право на бесплатное медицинское обслуживание и безвозмездно могла приобретать очень дорогостоящие лекарства. Родители Иосифа пребывали в непреходящем шоке от всего счастья и комфорта, которые так внезапно свалились на них.

Нередко они с удивлением встречали на Брайтоне бывших соотечественников с недовольными лицами и никак не могли взять в толк, чем это могло быть вызвано? В ответ на свои вопросы они слышали, как правило, возгласы о том, что, мол, «поживёте здесь с наше, не такого дерьма хлебнёте». Многие эмигранты ностальгировали по прошлой жизни, им не нравились даже местные продукты. Всё было невкусно, не так, как там, дома, как они привыкли.

Марика и Милу возмущало несправедливое отношение бывших советских граждан к стране, которая дала им приют и в которую они так стремились уехать. С другой стороны, недовольных тоже можно было понять – чисто по-человечески: они приехали сюда в уже почтенном возрасте, прожив большую часть жизни в стране с совсем другим менталитетом. Молодость, карьера и друзья остались в прошлом, и теперь их словно заперли в золотой клетке, оторванных от привычного общения, каким бы оно ни было.

Итак, попав в водоворот быстротечной нью-йоркской жизни, Иосиф и его родители барахтались в ней изо всех сил, чтобы не утонуть. Главной целью их существования стало стремление твёрдо встать на ноги. С одной стороны, жёсткие условия этой страны были не такими уж смертельно тяжёлыми, а с другой, начать своё дело оказалось совсем непросто, ибо конкуренция была бешеной. Жёсткость условий, как это ни парадоксально, обуславливалась широкими возможностями, наличествующими в американской социальной системе. Равные стартовые возможности поощряли и создавали острую соревновательность между желающими

воспользоваться ими, и здоровая конкуренция задавала весь тон американской жизни. Великий соблазн реального достижения материальных благ толкал миллионы людей на этот непрерывный трудовой конвейер, который мог привести к заветной мечте. На этом и строилось величие американской демократии, потому что в конечном итоге наиболее достойным удавалось пробиться к успеху.

На момент эмиграции Марику исполнилось сорок три года. Самый неудобный возраст для перемен: вроде бы уже не молодой, но ещё не старый. Главной проблемой для переселенцев этой возрастной категории стал языковой барьер. Английский поддавался чертовски медленно, иностранные слова никак не хотели оседать в голове. Шесть месяцев обучения на курсах ни к чему не привели. Существовать только на пособие было неудобно и унижительно, а также невыносимо, учитывая массу соблазнов вокруг.

Решать эту дилемму предстояло самому Марику и никому больше. Нельзя сказать, что эмиграция как-то меняла людей; возможно, она их просто ломала. Но по большому счёту – каким ты был на родине, таким оставался и здесь. Эмиграция лишь выявляла силы, заложенные в каждом, – разрушительные или созидательные. Успех в поиске работы приходил к тому, кто был способен найти компромисс между амбициями и реальными возможностями.

Реально оценивая свои шансы, Марик решил работать таксистом, как, впрочем, и многие советские эмигранты среднего и пожилого возраста. Первое время его ощутимо корбило: всё-таки главный инженер завода неожиданно превратился в обычного водилу. Однако, когда он познакомился с новыми коллегами из лимузин-компании, стало ясно, что его переживания отнюдь не уникальны: всех этих людей объединяло общее положение – и ничего с этим нельзя было поделать. К слову сказать, его сменщиками были профессор, бывший директор школы, пианист и геолог.

Постепенно Марик смирился, но так и не привык к ежечасному чувству унижения, которое испытывает любой эмигрант на новом месте. Он говорил себе, что нужно перетерпеть и, возможно, со временем станет легче. Для этого он напрягал всю свою волю. Иначе было нельзя. Ведь вокруг он видел немало таких, которые ломались, не выдерживая испытаний. Как результат, в среде русскоязычных приезжих наблюдалось огромное количество разводов и нервных срывов. Мужчины часто спивались, женщины бросали нерадивых супругов, превратившихся в обузу, и старались выйти замуж за американцев.

Марик в душе завидовал людям этой страны, этим уверенным в себе, самодостаточным личностям, чувствующим себя здесь хозяевами. Словно гадкому утёнку из сказки, ему хотелось приобщиться к их жизни, войти в их круг. Но между ними лежала огромная языковая и социальная пропасть. Всё чаще мужчина вспоминал слова одного из древнегреческих поэтов: «Для полного счастья человеку надобно иметь славное отечество».

Со временем Марик начал привыкать к свободе. В Америке было приятно и удобно жить. Однако он замечал, что многих эмигрантов так и не отпустила тоска по родине. У него даже появилась версия на этот счёт. Он считал, что, решившись на судьбоносный шаг, эти люди показали силу своего характера, но невольно прихватили с собой частичку Советского Союза. Решение проблемы Марик видел в том, чтобы забыть о прошлом. Только тогда человек станет по-настоящему свободным.

Марик на дух не переносил людей, которые издевались над религиозными чувствами и традициями других наций. Он считал, что величие страны и общества состоит не в том, чтобы возмущаться, например, мусульманками, закутанными в паранджу, или хасидками, носящими парики, а в том, чтобы люди могли, не опасаясь за свою жизнь и репутацию, одеваться и жить согласно своим традициям, но в рамках закона. Именно так было в этом многонациональном, разноязыком конгломерате – Нью-Йорке, где все получали возможность оставаться самими собой: носить хиджабы, пейсы, занятные шляпы-цилиндры, парики, бороды, шорты и миниюбки. В США человек в меньшей мере, чем где-либо ещё в мире, ощущает свою инородность.

Марик и Мила не могли нарадоваться школьным успехам Иосифа. В школе, как и в любой социальной структуре Соединённых Штатов, существовало чёткое расслоение. Среди учеников оно выражалось прежде всего в сложности программы обучения. Так, существовали классы для школьников, для которых английский язык не является родным; классы, изучающие программу среднего уровня, и так называемые «продвинутые» классы с чрезвычайно усложнённой программой и множеством факультативов. Дети распределялись по соответствующим категориям согласно уровню имеющихся знаний и умственных способностей. Таким образом, никто не оставался за бортом и, самое главное, не принижалось достоинство детей. Ведь учащиеся каждого учебного класса имели приблизительно одинаковый уровень развития.

Советская образовательная система, безусловно, была более насыщенной и требовательной, чем в Соединённых Штатах, и большинство учеников получали хорошие знания. Но и для отличников, и для хорошистов, и для двоечников существовала единая обучающая программа, которая и запускала механизм социально-психологического расслоения. Двоечник считался существом второго или третьего сорта, отъявленным хулиганом, чуть ли не изгоем – и всё потому, что по математике или русскому языку он имел двойку или тройку. Это калечило психику многих детей и оставляло отпечаток на всю жизнь. К тому же советская система не брала в расчёт человеческие качества своих подопечных. Ведь не всегда моральный облик двоечника был хуже, чем у отличника. Но это никого не интересовало. Знания, цифры и дисциплина были главными в подрастающем человеке. В Соединённых Штатах даже самый слабый ученик класса, укомплектованного из эмигрантов, чувствовал себя довольно счастливым, ибо никто и ничем не принижал его достоинство. Он был в таком же положении, как и его соученики. В СССР на родительском собрании учителя публично растаптывали одних учеников и превозносили других. В Соединённых Штатах родительское собрание представляло собой конфиденциальную встречу учителя с родителями и учеником, потому что человеческое достоинство и уважение стояли и стоят здесь на первом месте.

Иосиф учился в самом продвинутом классе самой продвинутой школы Бруклина, и успехи его были впечатляющими. Учителя наперебой хвалили юношу и сулили ему блестящее будущее.

Америка – действительно удивительная страна. В чём же её принципиальное отличие от большинства других государств мира? Прежде всего в абсолютном многообразии, выгодно отличающем её от разнородного единообразия социалистических стран. Если осознать это фундаментальное различие, сами собой отпадут все споры о некачественной системе образования в США. Образование здесь охватывает все шкалы от значений «очень плохой» до «очень хороший», от школ для эмигрантов до престижных частных образовательных заведений с мировым именем. И так во всём. Можно сказать, что Америка отражает всё многообразие современного мира. Поэтому здесь так спокойно относятся к критике, ведь при желании всегда можно отыскать что-то очень хорошее и нечто очень плохое. Для каждого человека действуют одинаковые законы, поэтому люди чувствуют себя в безопасности и большинство живёт в благополучии и достатке. В рамках закона возможно всё – от вульгарно-свободной пропаганды секса до высокоморальных устоев консервативной части общества, от несусветной человеческой глупости до самых выдающихся проявлений человеческого гения. А самое главное – при желании каждый гражданин может найти здесь нишу для личного самовыражения, независимо от уровня знаний, способностей, вкусов и пристрастий. Нью-Йорк в этом плане является самым ярким примером американского образа жизни. Здесь в тесном симбиозе сосуществуют все виды культур, искусств, истории и религии, все лучшие и худшие черты человеческой цивилизации.

Об этом часто думал Марик, развозя пассажиров с Брайтон-Бич в другие районы Нью-Йорка. Эта улица стала ему почти родной. Сама по себе она была ничем не примечательна. Над большей её частью, как огромный змей, нависало железное грохочущее чудовище под назва-

нием сабвей – американское метро. По этой гряде заржавевшего металла столетней давности всё ещё ездили поезда, и ужасный металлический скрежет всегда болезненно давил на барабанные перепонки. К этой пытке Марик так и не смог привыкнуть. Весь Брайтон буквально замолкал от этого визга и грохота, и разговаривать становилось практически бесполезно. С учётом того, что поезда в Нью-Йорке курсируют строго по расписанию через каждые пять – десять минут, можно легко представить себе, в каком шумовом фоне жил и живёт этот весёлый район.

Американский сабвей

Одной из достопримечательностей улицы были её овощные и продуктовые магазины. Здесь можно было купить практически всё, что продавалось во всех пятнадцати республиках Советского Союза.

Брайтон-Бич

Важную достопримечательность составляли и сами люди, населяющие Брайтон. Недалеко в простонародье его прозвали Малая Одесса, что подчёркивало превосходство одесситов, чувствующих себя здесь настоящими хозяевами. Именно они отбили это благодатное место у афроамериканского контингента и превратили некогда криминальный район в цветущий рай, где так привольно живётся русскоязычному приезжему. Некоторые бывшие одесситы придерживались мнения, что остальные эмигранты из Советского Союза приехали сюда «на всё готовое» и лишь несправедливо пожинают чужие плоды. Поэтому каждому вновь прибывшему, особенно если он не из Одессы, они обычно говорили: «Мы здесь скушали дерьмо, и вы должны его отведать».

Брайтон стал местом паломничества для гостей и туристов в том числе и благодаря прекрасному пляжу. Излюбленным местом променада брайтонцев и гостей города является знаменитый бордвок, представляющий собой деревянный настил, вытянутый вдоль океанского побережья на несколько километров.

Бордвок

Уютные беседки и несколько знаменитых ресторанов, выходящих на него, сделали это место незаменимым для развлечений и отдыха. Одни, заботясь о своём здоровье, с шести часов утра бегают по деревянному настилу вдоль прибрежной полосы, другие просто прогуливаются, третьи сидят на скамейках и дышат чистым океанским воздухом, четвёртые предпочитают зайти в кафе или в ресторан, чтобы полюбоваться игрой небольших волн и насладиться лёгким бризом. По вечерам здесь зажигаются фонари, и разряженная праздная публика выходит себя показать и на других поглядеть. Услужливые официанты мастерски и со вкусом сервируют столики в ожидании посетителей. По праздникам, а иногда и в выходные дни играет живая музыка, все желающие могут потанцевать.

Променад по бордвоку

Самым удивительным зрелищем для бывших советских людей стал фейерверк, который можно было наблюдать с бордвока каждое воскресенье ровно в девять часов вечера. С двух военных кораблей начинали палить пушки, рисуя на чёрном небосклоне, усыпанном звёздами, удивительно красивые цветные огненные фигуры, то рассыпающиеся, то собирающиеся в причудливый узор. Для советских эмигрантов салют всегда ассоциировался с каким-то большим праздником, а здесь это было обыденным еженедельным ритуалом. Одним словом, попадая на бордвок, вы попадали на праздник жизни. Люди на время забывали о работе, проблемах, болезнях, расслаблялись и просто беззаботно веселились.

Фейерверк на бордвоке

Как стремительно в Америке летит время! Многие приезжие жалуются, что дни здесь сменяют друг друга намного быстрее, чем на родине. Марик был уверен, что это состояние связано с перманентным ощущением стресса, которое испытывают все переселенцы. Эта подсознательная тревожность стала неотъемлемой частью их жизни, превратившись в своеобразную норму бытия. Любому человеку, живущему в оковах непрерывного волнения, будет казаться, что его жизнь идёт быстрее. Это чисто психологический эффект.

На первых порах Марику и его семье приходилось много ездить на метро, так как это был самый удобный вид общественного транспорта в городе. В Нью-Йорке сеть сабвея сильно разветвлена. Короткие и частые остановки, непродолжительный (в среднем от пяти до пятнадцати минут) интервал между поездами позволяют людям относительно быстро попадать в любую точку гигантского мегаполиса. Не зря его услугами ежедневно пользуются порядка шести-семи миллионов человек.

На метро Марик и его семья часто ездили на различные appointments. Слово «appointment» можно смело включать в состав русского языка, поскольку оно является наиболее употребляемым английским словом среди русскоязычных эмигрантов. Переводится оно как «назначенная встреча», однако русский лексический эквивалент не передаёт всей полноты значения оригинала. В Америке никто никуда не идёт без предварительного appointment. Сна-

чала обязательно надо позвонить и договориться о дне и времени визита, без этого вас нигде не примут.

Марик всегда с интересом наблюдал за людьми, сидящими и стоящими вокруг него в трейне, то есть в поезде или вагоне (это второе по популярности английское слово, которое никогда не произносится здесь по-русски). Люди в метро обычно погружены в свои дела, и никто ни на кого не глазет. Беззастенчивый прямой взгляд считается дурным тоном. Именно поэтому Марик наблюдал за всеми украдкой.

Вот напротив сидит симпатичная белая девушка, погружённая в чтение книжки. Время от времени она довольно громко шмыгает носом, стараясь не позволить упрямой влаге вытечь из ноздри и уютно расположиться на красивой верхней губке. В дальнем углу вагона с комфортом, сразу на четырёх сидениях, расположился огромный чернокожий бездомный, с ног до головы обмотанный цветными тряпками. Рядом, прямо на полу, валяется его имущество – внушительных размеров чёрный мешок, наполненный неизвестным хламом. Бродяга источает стойкий смрад гремучей смеси дерьма, мочи и пота. Поэтому та часть трейна, где он величественно расположился, практически пустует. В остальной плотно теснятся ряды трудящихся. Никто из них не потревожит мирный сон бедолаги, все просто постараются держаться от него подальше и изредка будут бросать косые взгляды в его сторону, когда неуловимое дуновение ветерка донесёт нестерпимую вонь.

Существует расхожее мнение, что американцы не любят читать. Однако это не совсем так. Всех пассажиров метро можно разделить на три условные категории. Самая большая из них – люди, читающие газеты, книги и журналы; следующая – публика, слушающая музыку (естественно, с помощью наушников), и, наконец, спящие. Таким образом, среди пассажиров практически нет ни одного бездельника, бестолково глазающего по сторонам.

Ещё одной особенностью сабвея является то, что здесь, даже в переполненном вагоне, никто ни к кому не прикасается, не прижимается и не расталкивает локтями. И если вагон переполнен, в него не будут с упорством пытаться втиснуться, а просто подождут следующий. Согласитесь, всё это элементарные вещи, о которых, возможно, и писать не стоило... Но кто возразит, что именно эти мелочи и доставляют больше всего неудобств?

Иногда Марику приходилось возить пассажиров в Гарлем, который находится в северной части Манхэттена. Когда он впервые увидел этот район в 1983 году, в голове промелькнула предательская мысль, что весь мир населяют не особо развитые в культурном отношении народы. Заплёванные тротуары, грязь, пахнувшие мочой подъезды, обожжённые кнопки лифтов – всё здесь напоминало родной Баку и другие советские города. Необременённые цивилизацией местные жители словно пришли на время попользоваться её благами.

Досужие размышления Марика по поводу схожести чернокожих и советских людей были прерваны голосом диспетчера, который попросил по дороге захватить трёх ребят и отвезти их по адресу, расположенному где-то рядом с диспетчерской. Это было уже в Бруклине.

Подъехав к частному дому, Марик увидел трёх ожидавших его совсем молодых, но очень крупных афроамериканцев. Шумная молодёжь небрежно развалились на сиденьях, достала сигареты и стала начинать их марихуаной. Не обращая на водителя никакого внимания, парни о чём-то громко разговаривали, гортанно перебивая друг друга. Марик старался не замечать их выходок и жаждал побыстрее отделаться от не очень приятных пассажиров. Вскоре весь салон машины пропитался дымом, и резкий, специфический запах конопли ударил в нос.

Был холодный январский вечер, часы показывали половину десятого. Марик приоткрыл окно, чтобы не задохнуться. Он ещё плохо знал дороги и повернул не туда, куда следует. Один из сидящих сзади, видимо недовольный этим, что-то буркнул и слегка стукнул водителя по голове. Впереди сидящий, моргнув, предложил ему затянуться. Марик отрицательно покачал головой. Все трое дружно заржали, и мужчина опять получил удар в голову. Ржание продолжилось. Ребята почувствовали свою власть, а Марик растерялся окончательно. Всё в нём сме-

шалось в этот момент – гнев, чувство бессилия и унижения. Он настолько оторопел, что забыл про свою рацию. Впереди сидящий, как будто уловив его мысли, схватил передатчик и бросил его на заднее сиденье. Там прибор подхватили и, крича от восторга, ударили водителя им по макушке.

Не выдержав, Марик стал громко кричать на разошедшихся молодцов на смеси русского и английского языков. Но его сосед, заметив торчащий кошелек, стал лезть Марику в карман. Одной рукой водитель старался препятствовать краже, а другой крепко вцепился в руль, продолжая вести машину. От обиды и бессилия у него непроизвольно брызнули слёзы, и он, громко зарывав, как загнанный зверь, нажал на акселератор. Машина помчалась на бешеной скорости. Ребята, испугавшись, поначалу притихли, а затем сидящие сзади стали просить его остановиться. Впереди сидящий, не обращая внимания на скорость, с удивлением глядел на водителя и приговаривал:

– Ребята, смотрите, он плачет, плачет...

Когда наконец Марик затормозил недалеко от диспетчерской, дверцы машины были уже открыты. Он даже не сообразил их заблокировать. Все трое ребят выскочили из салона и бросились наутёк. Очумев от злобы и унижения, Марик кинулся им вслед. Вскоре он нагнал того, кто сидел рядом. Марик совершенно не умел драться. Схватив парня за шиворот двумя руками, он отчаянно начал его трясти и в следующую же минуту получил сильнейший удар по лицу. Кулак прилетел прямо в бровь, и с такой силой, что рассёк её. Кровь моментально залила глаз. Разжав руки, Марик отпустил воришку и автоматически схватился за голову. Юнец, спокойно поправив на себе одежду, развернулся и исчез в темноте...

Шрам на брови всё время напоминал Марику об этом неприятном инциденте, который едва не стоил ему правого глаза. Обычно в таких ситуациях водителю при первой же возможности предписывалось покинуть машину и набрать номер 911. Но для Марика, как и для других приезжих, жизнь в чуждой языковой среде была большим испытанием. Прошло уже пять лет с того дня, как они приехали в США, а он всё продолжал заикаться при разговоре с американцами. Марик даже провёл параллель между изучением английского и человеком, который решил взобраться на самую высокую гору. Полный энергии, без усталости и без отдыха он карабкается наверх, и кажется, будто вершина уже совсем рядом, буквально рукой подать. И в следующее же мгновение его челюсть начинает постепенно отвисать, глаза разочарованно округляются, а чувство безысходности сжимает сердце, поскольку его взору открывается новая, ещё более неприступная высь. Для её преодоления потребуется ещё больше усилий. Человек делает глубокий вдох и пускается в путь. И вот, уже тяжело дыша и еле передвигая ноги, он, полуживой, но всё ещё гордый и несломленный, достигает и этой цели. И тут его ноги окончательно подкашиваются, от злости и бессилия он в отчаянии падает на колени – перед ним очередная скала, ещё более огромная, чем прежняя. И так до бесконечности. Подобное явление называют «эффектом гор», когда достигнутая победа оказывается на самом деле всего лишь призрачной иллюзией. Схожее ощущение оставалось у Марика от изучения английского языка. Чем большего, как ему казалось, успеха удавалось добиться, тем труднее преграды вставали на его пути.

На родине, особенно когда приключалась какая-то болезнь, Марик часто чувствовал себя неуверенно и даже как-то одиноко – и это при наличии многочисленной, но, увы, не родственной родни! Страх перед летальным исходом, который не смогут предотвратить отечественные специалисты (почему-то у него была такая убежденность), не давал ему покоя. В Америке, в совершенно чуждом мире, он впервые почувствовал себя в безопасности. Марик верил американским медикам – не столько в их мастерство, сколько в добросовестность. Его не пугали дорогие медицинские страховки, напротив, высокая стоимость была гарантом качественного лечения. Именно благодаря высококлассной терапии некоторые канадцы предпочитали лечиться в Соединённых Штатах. Ведь на своей родине, где всё население пользуется

государственной медицинской страховкой, можно было месяцами ждать своей очереди для проведения любых, даже самых незначительных процедур.

Пожалуй, единственным, чего Марику не хватало в Нью-Йорке, была обычная, тихая и уютная бакинская улица, со старомодными фасадами, своеобразной восточной неопрятностью и возможностью завести с прохожими непринуждённый разговор. В Нью-Йорке это было чем-то нереальным, находящимся на грани фантастики. Плотный людской поток просто бы растащил собеседников в разные концы города. Здесь не было той уличной культуры, которой пропитан Баку. Нью-йоркская улица являла собой лишь разновидность автострады, по которой следовало чётко двигаться в нужном направлении. В Баку улица была местом встреч и неторопливого общения.

Безусловно, тяжела доля эмигрантов, и очень часто она оборачивается душевной травмой и социальной неприкаянностью... Зато жертва родителей с лихвой окупается их детьми!

Марик понимал, что никогда не овладеет английским языком как родным, не сможет полностью влиться в американскую среду, но он был уверен, что этого обязательно добьётся его сын Иосиф.

Глава 5

В восемь часов вечера по бакинскому времени самолёт с Иосифом на борту приземлился в международном аэропорту Бина. Человек в форме пограничника вошёл в бизнес-салон и громко произнёс его имя. Вдвоём они спустились по трапу и проехали к зданию аэропорта. Пограничник проводил Иосифа в помещение для особо важных персон, где его встретили представитель американской компании и местные начальники. По коридору через большой зал они вместе вышли наружу.

Всё для Иосифа здесь было в новинку. Несмышлёным юнцом он много лет назад покинул Баку через старое здание и теперь вернулся в город, попав в современный, соответствующий всем международным стандартам аэропорт.

Они сели в «Мерседес-Бенц», и машина помчала их по хорошо знакомой дороге в Баку, мерцающий вдали своими огнями.

Гостя поселили в старый «Интурист». Гостиница была полностью отреставрирована и стала пятизвёздочной. Повидавшего немало отелей Иосифа приятно поразила роскошь интерьера номеров. «Вот это да, – подумал он, – вот это Баку!» Его оставили отдыхать, предупредив, что завтра в десять часов утра прибудет машина.

Приняв душ, Иосиф выпил ещё немного виски и лёг спать.

На следующий день он провёл несколько деловых встреч, а вечером, часов в шесть, подъехал к дому, в котором родился, и... оторопел от удивления. Это строение не имело ничего общего с тем зданием, которое сохранила его память. Прежде чёрный от многолетней гари и пыли, фасад был очищен добела и блестел на солнце. Первый этаж изменился до неузнаваемости. Окна со ставнями сменили затемнённые витрины до самой земли. Здесь располагался офис какой-то фирмы. Вывеска была написана на азербайджанском языке латинскими буквами. Иосиф вспомнил, что раньше в Азербайджане пользовались кириллицей.

Куда-то делись фигурные железные ворота. Арка, ведущая во двор, содержалась в идеальной чистоте, а новенькие мусорные баки зелёного цвета с крышками аккуратно стояли под навесом. Мусор жители дома выбрасывали в специальных целлофановых пакетах. Всё это оставило приятные впечатления.

Иосиф вошёл во двор. Тот ему показался неожиданно маленьким, хотя для тогдашней детворы он был до того большим, что в нём можно было потеряться. Тут тоже царила чистота, нигде не висело сохнувшее бельё, перекинутое через верёвку. А самое главное – было непривычно тихо.

Мужчина некоторое время постоял в растерянности. Затем решился заглянуть в квартиру Рафика на втором этаже.

Поднявшись по лестнице, он позвонил в дверь. Ему открыл мальчик лет двенадцати.

– Вам кого?

– Я, собственно, к Рафику...

– К Рафику? Какому Рафику? У нас нет Рафика.

– К Рафику Аскерову. Он, во всяком случае, жил здесь раньше.

– А-а-а... Сейчас. Мама, мама! – крикнул мальчик и исчез.

Через некоторое время появилась высокая полная женщина в домашнем халате.

– В чём дело? Кто вам нужен?

– Здесь раньше жила семья Аскеровых...

– А, да-да... Вот только они уже давно съехали, лет десять – двенадцать назад.

– Простите за беспокойство, но вы не в курсе, куда они отправились?

– Знаете, молодой человек, где-то у меня оставался их адрес... Сейчас я попробую отыскать. Заходите, присаживайтесь. – И она указала на кресло в коридоре перед большим зеркалом.

Иосиф не узнал этот коридор. Новые жильцы сделали капитальный ремонт.

Женщина вернулась минут через пять.

– Представляете, нашла! Надо же. Обычно никогда не отыщешь то, что срочно требуется. А тут – пожалуйста! Адрес был в моей записной книжке. Вот, возьмите, я уже переписала вам на листочек. Надо же! – продолжала удивляться она.

– Спасибо вам большое, – Иосиф поднялся с кресла.

– А вы откуда их знаете? Вроде не похожи на местного, – заинтересовалась дама.

– Я приехал из Москвы, – зачем-то соврал Иосиф. – Мы с Рафиком друзья. Может быть, вы знаете и тётю Валю и её сына Володю? Они жили на третьем этаже.

– Нет, о них я в первый раз слышу. По-моему, таких людей вообще нет в нашем дворе. Зато на первом этаже живёт тётя Дуся. Она старожил. Поинтересуйтесь, она всё знает и всех помнит, несмотря на преклонный возраст.

– Тётя Дуся ещё жива? – невольно вырвалось у Иосифа.

– О, вы с ней знакомы? – с любопытством взглянув на гостя, улыбнулась хозяйка.

– Да, я видел её, когда приезжал к Рафику, – смутился мужчина.

Попрощавшись, Иосиф вышел во двор и приблизился к квартире тёти Дуси. Даже её дверь, стены и окна были отремонтированы и покрыты свежей краской. На звонок никто не ответил, видимо, женщины не было дома.

Выйдя на улицу, Иосиф решил немедленно отправиться по новому адресу Рафика. Он остановил проезжавшую мимо шестую модель «жигули».

– Куда едем, босс? – поинтересовался молодой паренёк.

Тот показал ему бумажку с адресом. Прочитав её, парень кивнул.

– Видать, приезжий? – полюбопытствовал он в машине.

– Да, из Москвы, – снова решил соврать Иосиф.

– Надолго?

– Нет, на пару дней.

– Ну как там, в Москве?

– Да по-разному, – уклончиво ответил он. Все его мысли вращались вокруг предстоящей встречи.

– А у нас тяжело с работой. Всё дорого, а жить надо, детей кормить. Вот и приходится мне, человеку с высшим образованием, крутить баранку, чтобы заработать на жизнь.

Баку разочаровал Иосифа. Город превратился в человеческий муравейник, что типично для поселений Востока. Чрезвычайное скопление народа всему придавало сумбурность. Исчезли спокойствие и размеренность; налицо были все приметы суетливого, находящегося на грани неврастения мегаполиса. Несмотря на бурное строительство многоэтажных «коробок», далёких от восточной архитектуры, Баку сохранил и приумножил ориентальный колорит. Хотя, может быть, такое ощущение возникло у Иосифа из-за внешнего вида большинства местных жителей и наводнивших улицы базаров, разделивших население на покупателей и продавцов. Как известно, торговля на Востоке всегда была делом первостепенной важности. После религии, конечно.

Через двадцать пять минут Иосиф стоял перед панельной девятиэтажкой четвёртого микрорайона. Войдя в пыльный подъезд, он по лестнице с обломанными ступеньками поднялся на третий этаж и позвонил в квартиру под номером четырнадцать. Старый женский голос из-за двери спросил по-азербайджански:

– Кто там?

– Это Иосиф Бронштейн. Мы были соседями в старом дворе. Я дружил с Рафиком.

Некоторое время стояла тишина, затем дверь медленно приоткрылась. Перед Иосифом предстала сгорбленная седая женщина, в которой он с трудом узнал когда-то моложавую и симпатичную Марьям-ханум, маму Рафика.

«Вот что с людьми делает время!» – поразился Иосиф.

– Иосиф? – тихо повторила женщина. – Тот самый Иосиф, семья которого уехала в Израиль?...

– Да-да, тот самый. Только не в Израиль, а в Соединённые Штаты.

Женщина, замешкавшись, отступила, жестом приглашая гостя войти.

– Сколько же лет прошло? Я тебя совсем маленьким помню.

– Около восемнадцати лет. Мне тогда четырнадцать исполнилось.

– Да, вам... то есть тебе было четырнадцать лет. А моему Рафику – пятнадцать.

– Как он, где сейчас находится? – не выдержал Иосиф.

– Так ты ничего не знаешь?... – Марьям-ханум медленно присела на стул и пристально посмотрела Иосифу в глаза. На её ресницах повисли слёзы, и Иосиф увидел такое выражение печали и страдания, что невольно прошептал:

– Что-то случилось, тётя Марьям?

– Иосиф, дорогой, нет нашего Рафика больше, потеряли мы его... Вот уже девять лет как погиб, – тихо произнесла она, опустив голову и прикрыв ладонями лицо.

У Иосифа подогнулись коленки, и он присел на стул, стоящий рядом. На лбу выступили капельки холодного пота, которые бессознательно стала вытирать правая рука.

– Как... погиб? – еле слышно вымолвил он. – Где?...

– Ты ничего не знаешь? – вновь повторила Марьям-ханум. – Это случилось на войне, в Карабахе. Через год после его смерти умер мой муж: сердце не выдержало. Ася с ребёнком уехала в Армению.

– Ася? – переспросил Иосиф.

– Ах да, ты ведь этого тоже не знаешь. Рафик и Ася поженились.

– А как Армен?

– О господи! Армен тоже погиб на войне!

Тут Иосиф вскочил, обеими руками зажал себе голову и, еле сдерживаясь, прорычал:

– О боже, за что всё это? За что?!

Марьям-ханум медленно встала со стула, подошла к Иосифу и обняла его. Так, обнявшись, они простояли некоторое время.

– Проклятая война отняла у меня всё...

Пожилая женщина подошла к портрету сына, висящему на стене, и долго смотрела на него, глядя рукой запечатлённые выющиеся волосы и улыбающееся лицо...

Через некоторое время Иосиф несмело нарушил тишину:

– Тётя Марьям... Уже поздно. Мне надо идти.

Однако обезумевшая от горя мать не видела и не слышала никого, кроме Рафика, своего драгоценного ребёнка. Вот он стоит перед ней и, как всегда, хитро улыбается. Наверняка собирается о чём-то попросить...

Глава 6

...Утром Рафика разбудил громкий голос диктора Центрального телевидения: «Генеральным секретарём Коммунистической партии Советского Союза избран товарищ Михаил Сергеевич Горбачёв...»

У Рафика разламывалась голова, вчера он явно перебрал лишнего. Накануне они с Арменом провожали Володю и его мать, переезжавших на постоянное место жительства в Ростов-на-Дону. Там жила сестра тёти Вали, которая давно звала родственников к себе. Совершив обмен, они получили двухкомнатную квартиру в трёхэтажном доме. Печально было прощаться с ещё одним другом, всего лишь четыре года назад уехал Иосиф... И вот Володя тоже оставляет их. Грусть-тоску хотелось заглушить изрядным количеством спиртного.

Шёл 1985 год, и ничего не предвещало непредсказуемых событий ближайшего будущего. После прихода к власти Горбачёв взял курс на ускорение, а затем объявил гласность – и вся страна погрузилась в чтение ранее недоступной информации, десятилетиями скрытой от советского народа. Массовое запойное чтение продолжалось почти до 1990 года. Отдав дань печатной продукции, народ приник к телевизорам, и неспроста. В прямом эфире стали транслировать заседания Верховного Совета Советского Союза. Для того времени это было грандиозное словесное шоу, которого мир не знал прежде. Люди не верили своим ушам и глазам. Ведь на ошеломлённого зрителя без всяких обиняков изливался целый поток ранее строго засекреченных фактов. Это было поистине намного интересней чтения книг и журналов! Люди установили телевизоры на работе. Почти никто не хотел заниматься насущными делами: все с отвисшими челюстями и наострёнными ушами смотрели и слушали бунтарские выступления народных избранников. Официально стали подниматься такие диссидентские темы, которые раньше интеллигенция опасалась обсуждать даже у себя на кухнях. Люди были поражены смелыми заявлениями политологов, журналистов, писателей и депутатов.

Куда делся страх? Разве кто-нибудь тогда понимал, что без него невозможно будет нормальное функционирование империи под названием Советский Союз? Но джинна выпустили из бутылки... Можно лишь догадываться, были ли у этого плана по развалу страны гениальные архитекторы, но будущее показало, что реализация этих замыслов абсолютно не оправдала надежд. Конечно, многие остались у власти и сказочно разбогатели. Но вряд ли остальные согласились бы участвовать в этой аванюре, будь заранее им известны её результаты.

... Как всегда, в восемь тридцать утра Рафик вышел из подъезда, закурил и направился к дворовой арке. Он был студентом пятого курса строительного института.

– Привет, Рафик!

Младшая сестра Армена, Ася, стояла на балконе второго этажа и махала ему рукой.

– О, Ася, доброе утро! Как дела?

– Хорошо, а твой?

– У меня тоже всё слава богу. Ты собираешься в университет?

Ася училась на третьем курсе филологического факультета. Высокая, с длинными распущенными волосами, большими красивыми зелёными глазами и потрясающими ресницами, она очень нравилась молодому человеку. Но именно в этот момент Рафик почувствовал, что Ася не просто ему нравится. Его как будто током ударило, и он понял, что влюбился. Парень смотрел на неё и не мог оторвать глаз. Казалось, сейчас он разглядел в ней то, чего не замечал раньше. Что именно – он и сам не мог объяснить. Так и рождается любовь...

Видимо, на лице его отразилась вся гамма чувств.

– Рафик, что-то не так? Ты в порядке? – заулыбалась Ася.

– Да-да, всё хорошо, просто задумался... Ведь так бывает?

- Конечно бывает! – согласилась Ася.
- Извини, но я должен бежать. Увидимся позже, хорошо?
- Да, конечно увидимся! Пока! – засмеялась девушка и помахала ему рукой.

Эти двое давно симпатизировали друг другу, но сегодня Рафик определённо и бесповоротно потерял голову.

С этого момента его как подменили. Ему всё время хотелось видеть Асю и быть рядом с ней. Останавливало только чувство неловкости перед Арменом и его родителями. Они запросто могли догадаться о его чувствах. С Арменом Рафик встречался каждый день, но был рассеянным, часто уходил в себя, замыкался, мало вникал в то, что говорил друг. Зато стоило зайти разговору об Асе, как парень преображался и мог бесконечно говорить и расспрашивать о ней. Армен только качал головой и незаметно для Рафика усмехался.

Так прошло почти полгода. Рафик совсем скис. Он так и не позволил себе сблизиться с Асей. На Кавказе считалось, что для начала необходимо заручиться согласием родных, а уже затем встречаться с девушкой. Неизвестно, сколько бы продолжались эти страдания, если бы однажды Армен не решился откровенно поговорить. Оставшись один на один с другом, он, заикаясь и густо краснея, затронул волнительную тему.

– Я хочу поговорить об Асе, – произнёс он почему-то шёпотом, а затем, потупив глаза, уставился в землю.

- Об Асе? Что случилось? – тоже покраснев, удивлённо воскликнул Рафик.
- Да ничего не случилось... Просто, кажется, она влюблена в тебя.
- В меня?! – притворяясь дурачком, воскликнул тот. – С чего ты взял?!
- Сама мне сказала.
- Ася тебе... сама сказала?... – как эхо повторил Рафик и замолк.

Лицо и шея его покрылись красными пятнами.

– Ты извини, конечно, что я решился тебе об этом рассказать... Но ты понимаешь, она, кажется, страдает.

– Она... страдает? Так я... – И Рафик осёкся, не зная, как продолжить.

Армен пришёл ему на помощь.

– Слушай, дружище, мы ведь знаем друг друга всю сознательную жизнь. И я к тебе отношусь как к своему родному брату. Скажи, как ты относишься к Асе?

– Ася мне очень нравится, но я...

– Понимаю тебя. Но ни о чём не беспокойся. Поступай, как велит твоя душа. И наша дружба не должна стать помехой вашим отношениям.

– Ты что, благословляешь нас?

– Да. Я старший брат и поэтому имею право. Я тебя люблю как самого близкого друга и уважаю как мужчину. С кем же ещё, как не с тобой, мне хотелось бы породниться!

Так Рафик получил зелёный свет, и события стали развиваться стремительно.

Отец Аси и Армена, Сурен Сергеевич, работал в бакинской прокуратуре и был уважаемым человеком. Узнав от жены, что их дочь встречается с Рафиком, он взволнованно проговорил:

– Думаю, ей ещё рано выходить замуж.

– Сурен, дорогой мой! Ася в следующем году оканчивает университет. Самое время выходить замуж!

Как-то вечером девушка поздно вернулась домой. В кабинете Сурена Сергеевича горел свет. Из-за двери раздался голос отца:

– Ася, это ты?

– Да, папа.

– Зайди, пожалуйста, ко мне.

– Привет! – Ася подошла и чмокнула его в щёку.

– Дочка, ты знаешь, который час?

– Начало двенадцатого. Папа, я уже не маленькая.

– А с кем ты гуляла?

Ася вспыхнула от смущения и неуверенно произнесла:

– С Рафиком.

– Это у вас серьёзно?

– Да, папа, очень серьёзно.

– Девочка моя, ты уверена в своих чувствах? Уверена, что тебе будет хорошо в семье Рафика? Всё-таки мы армяне, а они азербайджанцы. Я имею в виду привычки, традиции, обычаи. Как вы будете уживаться? – Сурен Сергеевич пристально заглянул в красивые глаза дочери.

– Папочка, я уверена, что у меня с Рафиком всё будет хорошо! О каких традициях и обычаях ты говоришь? Мы столько лет знаем друг друга! У нас у всех бакинский менталитет, общий круг знакомых. Мы слушаем одну и ту же музыку, читаем одни и те же книги. У нас общие интересы!

– Возможно, ты права, доченька... Рафик – хороший парень, мне он тоже нравится.

После этого разговора родители Рафика, военный полковник в отставке и мать-домохозяйка, пришли в дом Аси просить её руки. Гости расселись за накрытым столом. Сурен Сергеевич распорядился подать сладкий чай. По обычаю родители невесты подавали этот напиток в знак своего согласия на обручение.

– Ариф-муаллим, дорогой! Мы с тобой земляки, ты родился в Шуше, а я в Степанакерте. Оба мы выросли на благодатной карабахской земле. А теперь будем ещё и родственниками. Дай бог счастья нашим детям!

Вскоре сыграли великолепную свадьбу. Молодые уехали в турне по Дунаю. Это был их медовый месяц. Шёл 1987 год.

Молодожёны получили двухкомнатную квартиру. Через год у них родилась прекрасная дочурка, которую назвали Аидой. Больше других внучке радовался Ариф-муаллим. Он уже вышел на пенсию и имел возможность много времени проводить со своей любимицей. Дедушка Ариф как мог баловал Аидочку.

Как-то вечером Рафик пришёл домой с работы. Ася уже была дома. Она подошла к мужу и обняла его.

– Я так тебя люблю! – прошептала девушка, уткнувшись головой в его грудь.

– И я тебя люблю, моя малышка, – ответил Рафик, улыбаясь и прижимая к себе жену.

– Мне так хорошо, что даже страшно... Кажется, будто я сплю. И если проснусь, то всё исчезнет... – От этих странных предчувствий на её глазах выступили слёзы.

– Что ты такое говоришь, моя маленькая? У нас всё хорошо. И будет ещё лучше!

– Ах, Рафик, не надо мне лучше... Пусть всё будет так, как сейчас. Ты обещаешь?

– Ну конечно, моя родная, обещаю...

1988 год стал роковым не только для Азербайджана, но и для всего Советского Союза. Его можно считать началом конца огромного государства.

Совершенно неожиданно для всех родственников Сурен Сергеевич получил назначение в московскую прокуратуру и предложил Рафику и Асе переехать вместе со всей семьёй в столицу. Однако Рафик наотрез отказался покидать родные места и своих близких. Асе было тяжело расставаться с родителями, но она не настаивала на переезде.

Через год отец Армена получил новое назначение в Ереван, и они переехали в Армению. На этом связь между друзьями детства оборвалась окончательно. Начались первые вооружённые столкновения между армянами и азербайджанцами в Нагорно-Карабахской автономной области.

Глава 7

... У Рафика был приказ взять высоту X любой ценой. За ней находился населённый пункт стратегического назначения, к которому можно было подобраться только по единственной дороге, обороняемой укрепившимися на этой высоте армянами. Путь хорошо просматривался и днём и ночью, и взять его штурмом не представлялось возможным даже посредством помощи крупных военных сил. От Рафика требовалось разбить опорный пункт врага, чтобы основные военные подразделения смогли пройти к важному объекту и захватить его.

Взять цель в открытом бою было нельзя, Рафик прекрасно понимал это. Решительные действия чреваты людскими жертвами и потерей единиц боевой техники. Поэтому он решил обойти пост и ударить по нему с тыла, рассчитывая на внезапность нападения. Данный манёвр требовал преодоления большого расстояния.

Южный склон высоты, откуда очень хорошо просматривалась дорога, был оголён и покат, тогда как северная его часть оставалась относительно крутой и покрытой труднопроходимым лесом. Ближе к вершине растительность сменялась густым травяным покровом, который в свою очередь на самом пике переходил в оголённые скалы, где и располагался армянский пост, контролирующий подходы.

План Рафика состоял в следующем: под покровом ночи группа захвата должна была просочиться в лес, пройти его и напасть на блокпост с тыла. По предварительным подсчётам это могло занять около десяти часов быстрого шага.

В пять часов утра мобильный отряд в составе двенадцати человек двинулся по намеченному маршруту. Три часа они обходили высоту и затем, резко повернув на юг, начали восхождение по крутому северному склону, всё дальше внедряясь в лесную чащу. Идти становилось труднее.

Лейтенант Рафик Аскеров был человеком смелым и зарекомендовал себя умным и находчивым командиром, которому можно было доверить сложные операции. Он всегда пытался уберечь своих людей от бессмысленной гибели, для чего действовал не очертя голову, а рассудительно и расчётливо. Разумеется, если это входило в его компетенцию. Приказы вышестоящего начальства, какими бы они ни были, следовало выполнять без обсуждений.

На этот раз при захвате высоты детали операции предстояло додумывать Рафику. Разработанный им план минимально подвергал риску личный состав подразделения и казался наиболее реалистичным.

На середине пути командир решил сделать привал, чтобы дать бойцам передохнуть минут десять – пятнадцать. Рафик лёг на землю, закрыл глаза и расслабился. Мысли тотчас унесли его далеко, в Баку... Он вспомнил, как они с Арменом провожали Володю в Ростов-на-Дону. Когда разошлись все гости, ребята остались в комнате втроём. Обнявшись, они поклялись никогда не забывать друг друга и сделать всё возможное, чтобы помочь товарищу, если кто-то из них попадёт в беду. Вслед за Володей уехал Армен... Потом началась Карабахская война, и Рафик ушёл добровольцем на фронт...

Неожиданно лесная музыка прервалась автоматной очередью, и один из бойцов отряда вскрикнул от боли. Он опрокинулся на землю и скатился до ближайшего дерева, зацепившись за него и застыв в неподвижности. Рафик скомандовал прижаться к земле и приготовиться к бою. В отряд стреляли из трёх точек. Рафик видел, как его бойцы вскидывали руки, роняя оружие.

Получилось так, что группа Рафика случайно натолкнулась на армянское подразделение, которое шло к блокпосту с целью укрепить его людьми. Армяне заметили врагов первыми. Завязался ожесточённый бой. Единственным укрытием могли служить только деревья. Пре-

имущество армян было в том, что они находились наверху, а Рафик со своими бойцами внизу. Склон был крутым, отстреливаться и отходить одновременно оказалось сложным занятием.

Начавшись внезапно, сражение так же неожиданно закончилось. Лес погрузился в тишину, и Рафик впервые смог оглянуться. Вокруг него лежали трупы убитых с обеих сторон бойцов. Через несколько минут он осторожно высунулся из-за дерева и мгновенно перебежал за другое. Однако ничего не произошло. Было тихо и спокойно, лишь вовсю щебетали птички. Это был обычный шум леса, к которому быстро привыкаешь и воспринимаешь его как ничего не значащий фон.

Неожиданный хруст сухой ветки заставил Рафика напрячься и пустить в сторону, откуда донёсся звук, автоматную очередь. Через минуту воцарилась былая тишина, и Рафик понял, что у того, кто прятался за деревьями на расстоянии двадцати метров, закончились патроны. Из-за ствола показалась белая тряпка. Похоже, противник решил сдаться, и вслед за белой майкой, которая использовалась для сигнала о капитуляции, появился сам человек.

Держа наготове автомат, Рафик осторожно выглянул из-за ствола и увидел, что перед ним с поднятыми руками стоит... Армен.

– Ты... Рафик? – прошептал тот, и у него подкосились ноги.

Рафик стоял молча, всё ещё направив раскалённый ствол на Армена, и тоже не мог издать ни единого звука. Словно окаменев, они смотрели друг на друга и не знали, что сказать.

Одиночный выстрел разорвал лесную тишину. Пуля попала Рафику в затылок, и он, не произнеся ни слова, пошатнувшись, рухнул вниз. Оказалось, что солдат, лежавший недалеко от того места, где стоял командир, очнувшись от беспамятства, выстрелил по противнику. Армену показалось, что он закричал, но из горла доносился только лёгкий хрип. В два прыжка он очутился рядом со стрелявшим, выбил из его рук пистолет и разрядил всю обойму в убийцу друга.

Выбросив оружие, Армен подбежал к другу, склонился над ним и осторожно приподнял его голову. Рафик уже не дышал. На его искажённом от боли лице навечно застыли растерянность и изумление. Обняв безжизненное тело друга, Армен горько зарыдал.

Когда схлынула первая волна горя и к Армену вернулась способность думать, он понял, что не знает, как поступить. Но он не мог оставить тело Рафика лежать на земле. Оглядевшись, парень увидел, что ночь полностью окутала лес. Вдали виднелись горные кряжи, а вокруг стояла устрашающая ночная мгла. Внезапно перед глазами Армена возник образ тёти Марьям, мамы Рафика. Она смотрела на него с такой надеждой, с такой мольбой в глазах... Парень зажмурился и тряхнул головой, стараясь избавиться от жгущего сердце видения.

«Что делать?» – лихорадочно соображал он.

Наконец решение было принято. Взяв тело на плечи, Армен стал осторожно спускаться вниз по склону. Он решил идти в сторону расположения передовых частей азербайджанской армии. По крайней мере, он думал, что они там находятся.

Армен шёл уже около трёх часов. Он очень устал и, обессилив, едва волочил ноги. Наконец было решено отдохнуть. Осторожно положив тело Рафика на траву, парень присел рядом, обхватив голову руками. Мысли вихрем закружились в голове...

Неужели смерть Рафика была необходима для того, чтобы понять, какой ужас творят люди друг с другом?... Почему так сложно бывает разобраться, для чего мы живём? Пять минут назад он мог строчить из автомата по ненавистным азербайджанцам, а сейчас сидит и плачет над телом их соплеменника. Человек – чудовищный ангел и жестокий мученик в одном лице, и после произошедшего он уже не будет в состоянии взять в руки оружие. Люди то плачут, жалеют и любят, то убивают и ненавидят. Как совместить личные устремления и чувство патриотизма, любви к Родине, национальную принадлежность, наконец? Сколько же общественных установок довлеет над бедным человеческим сознанием, сколь суровы испы-

тания, которые должно выдержать его одинокое «я»! Чтобы противостоять влиянию извне, нужно иметь внутренний стержень, характер, достоинство, принципы; в противном случае всё то, что сейчас совершал Армен, не имело никакого объяснения и смысла. Честно говоря, в ту секунду он даже не задумывался о мотивах своего поступка; чувства, которые он питал к Рафику, сами подсказывали ему, как себя вести. Именно эта жизненная правда способна переплавляться в человеческий опыт и мораль, которые не могут навязать ни одно правительство, власть, идеология или чиновники. Общее самосознание, принадлежность к одному племени и прошлому объединяют людей в единый этнос, образуя понятие «народ». Человек гордится своей причастностью именно к этой общности, он воспитывается в осознании, что быть чьим-то соплеменником налагает на него огромную ответственность. Такие народы обладают высоким уровнем национального достоинства; другие, напротив, слабы духом и беспринципны. Все мы разные, и всё слишком запуталось в этом безумном мире... Но всегда, даже в самой суровой жизненной смуте, нужно помнить, что личные ощущения важнее общественных установок, тем более тех, которые разделяют людей по национальному признаку. Это и называется любовью к ближнему. Но не к какому-то абстрактному человеку, на чём безуспешно в течение двух тысяч лет настаивали Христос и его последователи, а к конкретному ближнему – из плоти и крови, находящемуся рядом. Вот что действительно будет понятно каждой живой душе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.